

КОГДА он появляется на манеже в цирке столицы или какого-нибудь из других городов, зал взрывается аплодисментами. Зрители еще не знают, что он покажет сегодня, какие репризы разыграет вместе с партнером М. Шуйдиным — их радует уже сама встреча с полюбившимся артистом.

Такую популярность народного артиста СССР клоуна Юрия Никулина нередко объясняют тем, что он часто снимается в кино. Нет слов, экран порядком прославил его, принес всенародную известность. К тому же клоун Никулин в отличие от многих коверных почти не прибегает к гриму, он всегда сразу узнаваем, и люди, видевшие его на экране, встречают артиста на манеже, как старого и доброго знакомого.

Однако есть во всем этом и обратная взаимосвязь. Надо было так случиться, чтобы клоун заинтересовал в свое время режиссеров кино, чтобы вслед за эпизодической ролью незадачливого пиротехника в «Девушке с гитарой» (фильме теперь уже далекого пятьдесят восьмого года) ему охотно предлагались и другие роли. И не только комические, казалось бы, наиболее близкие его дарованию, вроде Балбеса в знаменитой троице Никулин, Вицин, Моргунов, но и такие, как Иорданов («Когда деревья были большими»), Глазичев («Ко мне, Мухтар!»), Лопатин («Двадцать дней без войны»).

Все это вовсе не значит, что Никулина, как говорится, повезло, что он вытаскил счастливый билет. Отнюдь нет. Начало творческого пути артиста вовсе не было обнадеживающим: демобилизовавшись из армии, старший сержант Никулин поступил по очереди во ВГИК, ГИТИС, в Училище имени Шепкина и нигде не был принят.

Просто редкостный художественный дар, страстная влюбленность в искусство заставили поверить в талант этого артиста.

И вот теперь Никулин одинаково прочно «прописан» в цирке и в кино.

Популярность его у зрителей огромна. Заслуги в цирковом искусстве общепризнаны и подтверждены самым высоким артистическим званием, правительственными наградами. Однако слава «не испортила» Никулина: он один из немногих знаменитых артистов, которые умеют как бы не замечать свою популярность.

Юрий Владимирович никогда не говорит о своих успехах, о том, как восторженно принимают его зрители. Скромность, застенчивость, душевная деликатность, которая всегда так приятна в интеллигентных людях.

Это в полной мере сказывается в творческом облике клоуна Никулина. Перебирая в памяти множество реприз, сыгранных им, в каждой из них прежде всего отмечаешь предельную лаконичность художественных средств — экономность в движениях, жестах, эмоциях. Он не принадлежит к числу тех клоунов, которые стараются сразу раскрыть себя перед публикой. И дело не только в том, что его комический герой по характеру своему нетороплив, флегматичен, нескладен. Внешняя неброскость Юрия Владимировича на манеже, его подчеркнутая медлительность во многом проистекают, мне кажется, от того, что артист стремится показать свой персонаж как бы изнутри, дать нам, зрителям, время и возможность внимательно присмотреться к нему, проникнуться его мыслями и настроением.

Для клоуна Никулина первоначально важно, чтобы публика настроилась на его, клоуна,

люди искусства

ДОБРЫЕ ГЛАЗА КЛОУНА

Ник. КРИВЕНКО

унскую, волну восприятия мира, безраздельно поверила в правомерность его самых, казалось бы, неожиданных поступков. И когда такая «настройка» происходит, алогичность поведения коверного на манеже становится логичной: парадоксальность комических ситуаций становится оправданной, объяснимы побуждения, заставляющие выступать клоуна именно так, а не иначе.

В этом смысле очень характерна интермедия Никулина и Шуйдина «Шипы и розы» — одна из лучших, на мой взгляд, в их репертуаре.

Застенчивый и робкий человек (Ю. Никулин) приходит на свидание с любимой девушкой. Он весь — трепетное волнение, он счастлив уже оттого, что видит ее.

И тут как раз появляется торговец цветами (М. Шуйдин) — наглый спекулянт с изжеванной папиросой во рту. Человек подбегает к нему, торопливо покупает букет и вручает его подруге. Но спекулянту мало тех денег, которые ему заплатили, он требует еще. Тогда Никулин отдает часы, пиджак... Торговцу и этого мало. Он грубо вырывает у девушки цветы и уходит. Человек бросается за ним.

Финал сверхнеожидан: влюбленный возвращается с букетом в руках, но... без брюк. Комическая ситуация про-клоуныски гиперболизирована, заострена, и публика, естественно, смеется. Потом смех постепенно умолкает, воцаряется тишина — так трогателен Никулин, передающий девушке розы.

Так немудреная история с цветами, решенная средствами юмориста, становится маленькой притчей о безоглядной душевной щедрости любящего человека, о жестоком

безразличии к судьбам людским торгаша, спекулянта.

Возможно, играй эту сценку другой артист, она показалась бы примитивной, надуманной, может быть, даже грубоватой. Но внутренний такт Никулина, его убежденность в правомерности происходящего на манеже как бы очищают интермедию от малейшей безвкусицы и фальши.

Старейшина советской клоунады Карандаш как-то заметил, что коверный должен быть предельно искренним на манеже, что он не увлечет, не заинтересует зрителей, если будет «представлять» своего героя, играть его, а не станет им на время спектакля. Вот этим искусством перерождаться в другого человека великолепно владеет Юрий Никулин, прошедший, кстати, в свое время школу Карандаша.

Но даже непроницаемо «закрывая себя», Никулин, естественно, остается Никулиным с его обостренным вниманием к внутренней сути человека, с умением каждый поступок и каждое слово на манеже выверять характером своего комического персонажа.

Есть у Никулина и Шуйдина почти бессловесная реприза, во время которой они пять раз переносят с места на место тяжеленное бревно. Никакого подтекста в ней нет да и смысла, откровенно говоря, тоже. Просто так случается по ходу программы, что некий кинорежиссер, пришедший на представление, вознамерился запечатлеть клоунов на пленку именно в сцене переноски бревна.

Не припомню, чтобы зрители в цирке смеялись так весело и дружно, как смеются они во время исполнения этой репризы! И секрет этого, очевидно, не в том, что

делают артисты на манеже, а в том, как они это делают. Уморительны их старательная сосредоточенность, их действия невпопад, когда они не столько помогают, сколько мешают друг другу. Элементарная, казалось бы, сценка вбирает в себя множество самых разнообразных трюковых комбинаций, изобилует забавными положениями, нюансами, деталями.

Кстати сказать, со своим бессменным партнером — народным артистом РСФСР Михаилом Шуйдиным, Никулин не расстанется уже тридцать лет. Советский цирк знал прежде и знает теперь немало комических дуэтов лучше, хуже. Однако творческое содружество этих клоунов представляется мне особенно удачным. На манеже они нерасторжимо: представить Никулина без Шуйдина так же трудно, как Шуйдина без Никулина.

Образы, созданные двумя клоунами, очень разные, и в этом, пожалуй, главное. Флегматичному, вечно во всем сомневающемуся Никулину противостоит энергичный, деятельный Шуйдин. Полярность характеров и темпераментов порождает бесконечные недоразумения, розыгрыши, критические ситуации. Клоуны постоянно в чем-то соревнуются, пытаются провести друг друга, ут-вердить свое «я». И поначалу всегда кажется, что верх одержит Шуйдин — ведь он более предприимчив, более трезво смотрит на вещи.

Но не тут-то было! Репризы и сценки построены таким образом, что именно герой Никулина оказывается в конечном итоге в выигрыше. Затевают ли они игру сулвием ни при каких случаях не говорит слова «нет», устранивают ли распродажу яблочек, которая вроде бы наверняка обещает обманщику Шуйдину немалый барыш, — Никулин обязательно перехитрит своего партнера, оставит его в дураках. Он очень нескладный, но сколько в нем лукавой рассудительности, практической сметки! Все это как бы скрыто до поры до времени и проявляется только в последний момент, создавая неожиданный комический эффект.

Извечное «посрамление» Шуйдина тем более примечательно, что Никулин в этом дуэте олицетворяет, как правило, доброе начало. Ведь не он обычно замышляет злонамеренные розыгрыши и козни, не он пытается поставить партнера в нелепое, смешное положение. И поэтому его победа — это всегда в какой-то мере торжество справедливости.

Талант Юрия Никулина оптимистичен и гуманен в своей основе, присущие ему в жизни сердечность и душевная теплота отчетливо проступают во всех его актерских работах. Лукавыми и растерянными, испуганными и вопрошающими могут быть глаза клоуна Никулина, играющего репризу на манеже цирка, но это всегда добрые глаза. Глаза человека, который любит людей и горячо предан своей веселой профессии, приносящей людям радость.

— Я клоун. Я получаю радость, когда слышу, как смеется зал. Я получаю радость, когда вижу улыбки детей и взрослых. Я получаю радость, когда после наших реприз раздаются аплодисменты.

В этих словах самого Юрия Владимировича — отношение артиста к своему творческому труду, к тому делу, которому он посвятил свою жизнь.

Народный артист СССР
Юрий Никулин.

Фото А. Макарова.